

В.И. КОСИК

«МОЛОДАЯ РОССИЯ»

Вариации на тему национализма
в маршах эпохи

Виктор Иванович Косик

«Молодая Россия».

Вариации на тему

национализма в маршах эпохи

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725545
«Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах
эпохи. / Косик В.И.: Пробел-2000; Москва; 2013
ISBN 978-5-98604-366-1

Аннотация

«Ни белые, ни красные, а русские», «Царь и Советы», «Лицом к России» – под этими лозунгами выступала молодежь из «Молодой России», одной из самых крупных заграничных российских организаций, имевшей свои отделения на всех континентах и во всех государствах, где были русские изгнанники. Автор рисует широкое полотно мира идей младороссов, уверенных в свержении «красного интернационала» либо через революцию, либо – эволюцию самой власти. В книге много места уделяется вопросам строительства «нового мира» и его строителям – младороссам в теории и «сталинским ударникам» на практике. Внимание уделено такому многоцветному феномену, как национализм и его роли в строительстве государства. Хронологически книга завершается

временем первых лет второй мировой войны, когда младороссы выступили в защиту России.

Содержание

Введение во время	5
Глава и его организация	19
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Косик
«Молодая Россия».
Вариации на тему
национализма
в маршах эпохи

Введение во время

Неослабевающий интерес историков и философов, социологов и политологов к российской эмиграции первой волны – свидетельство востребованности идей, выработанных идеологами эмиграции, для понимания своего национального бытия в современном, уже неузнаваемо изменившемся мире. Распутывая сложный клубок националистических, демократических, социалистических, монархических и прочих идей – историк сталкивается с огромными сложностями. Все свое богатство и всю свою нищету выплеснула в политический котел «новой Европы» досужая мыслящая эмигрантская Россия. И, разбирая свалившийся на вышедших из своего «духовного заточения» потомков сундук заграничных дедов, мы, порой, бываем, удивлены их наивностью, а

порой потрясены обретенным богатством, сулящим неплохие ориентиры на наших еще не протоптанных путях.

Безусловно, в сочинениях отечественных и зарубежных авторов приоритет отдается исследованиям в области культуры. Солидны исследования так называемой миссии русской эмиграции. Рассмотрение же проблем и сюжетов, связанных с политической деятельностью российской эмиграции, находится на втором или третьем плане. Объяснение этому можно искать в кажущейся бесперспективности, тупиковости таких тем, выявленной историей (на том этапе) ошибочности, неверности программных установок, мелкости самих организаций и их деятельности и пр. Однако внимательное изучение этой тематики позволяет не спешить списывать их творчество и деяния. Если даже «карликовые» организации с такими же идеями могут неожиданно подарить интересными поворотами мыслей, то, что же говорить о многотысячных движениях союзах, объединениях, возглавлявшиеся людьми, умеющими размышлять, думать о России, надеявшимися увидеть свою родину свободной, готовившимися отдать ей свои знания и силы.

Одной из такой организаций и является «Молодая Россия» с ее лозунгом «Ни белые, ни красные, а русские». Век ее был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Многие из теоретического наследства младороссов, выступивших на политическую сцену зарубежья в начале 1920-х гг., и сегодня звучит современно, а

значит актуально.

Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младороссах, живших в странах русского рассеяния – от Аргентины до Австралии, от Брюсселя до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходявших со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена будущему обустройству России. Размышляя о строительстве новой России, младороссы не могли не учитывать опыта строительства «нового мира» в Германии и Италии.

Поэтому мне пришлось обратиться вслед за младороссами к идеям, некоторые из которых связаны и с феноменом распространения во времени идей фашизма и его интерпретации в русской мысли, в русском обществе, в русской эмиграции, в славянском мире.

Сразу скажу, что за последние годы у нас в стране вышло немало книг, из которых наш охочий до знаний читатель, сидевший в свое время на самиздатовской диете, может почерпнуть многое и даже стать специалистом по национальному вопросу и жидо-масонскому заговору, иметь представление о революционном консерватизме и твердо усвоить, что патриотизм может быть всех цветов радуги, в том числе и коричневым или черным, а идеология есть ни что иное, как стиль.

Отбросив в сторону иронию, подчеркну, что обретение свободы мысли проходит довольно тяжело и нелегко ду-

мать над проблемой традиционности феномена фашизма. И опять-таки поспешу предупредить моего читателя, что время – коварный феномен, и в 1920-е гг. идеи Берлина и Рима по строительству «новых небес» не ассоциировались с Требишкой и Маутхаузенем и культом голубоглазой блондинки.

В постверсальское время фашизм для многих – не только для «глупой массы обывателей», но и для некоторых «европейцев» – представлял некоей панацеей от «коммунистической заразы», силой, способной раздавить большевизм, переустроить мир на органических основаниях национал-социализма, где не было места ни классовой борьбе, ни «золотому интернационалу».

Безусловно, в настоящее время от всего этого учения в массовом сознании остался, грубо говоря, лишь антисемитизм с холокостом. Однако в то время, когда мир пытался перестроить себя, когда вместо одной строилось сразу несколько вавилонских башен, практика еще не пожрала идеи, хотя и путанные и «вредные, с их ставкой на «кровь и почву». Ими интересовались и Струве, и Бердяев, и Ильин. Назову здесь и И. Солоневича, провозгласившего фашизм «новым евангелием, возвещенным на тысячи лет».

Небезынтересно отметить и такие факты. В 1920-е гг. в СССР действовал Орден русских фашистов, одним из организаторов которого был приятель Есенина поэт А. Ганин, родом с Вологодчины. В 1929 г. в Северо-Двинской губернии издавался даже нелегальный фашистский журнал «Голо-

са угнетенных», в котором критика политики местных «вождей» сочеталась с надеждами на Москву, на центральные власти.

В 1920—1930-х гг. в эмиграции насчитывалось свыше полутора десятка только крупных политических организаций, называвших себя фашистами или национал-революционерами, например, Российское Освободительное Народное Движение (РОНД), Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД), Русская Фашистская Партия (РФП), Национальная Организация Русских Фашистов (НОРС), Российский Фашистский Союз (РФС), Всероссийская Фашистская Партия (ВФП), Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ), Российский Национальный Фронт (РНФ), воспринявших ряд ценностных установок и положений у итальянского фашизма и германского национал-социализма. Близкими по идеологическим установкам были «нацмальчики» из Национального Союза Русской Молодежи (позже – Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, НТСНП) и младороссы. Но «близкое» весьма далеко от «идентичного», особенно если вспомнить «советские» установки младороссов, отречение младороссов от своей прежней приверженности идеям фашизма, угрожавшего Родине, даже если она тогда называлась «Совдепией». Можно вспомнить и «классические националистические организации», схожих с фашистскими или национал-социалистическими, как например, Российскую Всенародную Партию На-

ционалистов (РВПН), в программе которой подчеркивалась неделимость России, отстранение классов и партий от участия в политической жизни страны через избрание делегатов профсоюзами во все советы и во Всероссийское Национальное Народное Собрание. Само становления «православного русского фашизма» с его лозунгом «Бог, Нация, Труд» связывалось с «восстановлением православия в его чистоте и святости», с созданием «на русской земле царства социальной справедливости – Трудовой Русской империи».

Обращение к «неудобным» темам, таким как «русский фашизм», не прихоть оскудевшего темами историка, а горестная необходимость пробиться через некий исторический завал политизированных, националистических, конъюнктурных, ошибочных или точных оценок, чтобы продолжать путь осмысления своей истории. Как говорит мой знакомый историк, поражения и победы удобопревратны, т. е. имеют способность к обращению в свою противоположность (если размышлять над историей как серией уроков, преподанных в наиболее наглядной форме).

Это как раз и является одной из причин, которые вынуждают думать над проблемой традиционности национальной мысли, патриотизма в его самых разных обличиях – от елейного до проклинающего, и при этом стараться не уходить ни от одной из проблем, поставленных в одном времени и заболтанных в другом. Исследование движения младороссов позволяет вдумываться не столько в привычные наши слабо-

сти, о которых писано-переписано, и задумываться над ними, сколько размышлять над верой в Россию, в ее миссию.

Анализ видения мира изгнанниками, их мысли о прошлом, настоящем и будущем России, славянства был бы ущербным без детальной прорисовки взглядов самих младороссов и их главы Александра Львовича Казем-Бека, личность которого была известна не только соотечественникам, но и европейским политическим, государственным и общественным деятелям. А. Л. Казем-Бек был автором, возможно, первого проекта устройства мира, написанного им в самом начале второй мировой войны. И сама книга посвящена тем, кто думал о России, кто размышлял о ее лучшем будущем, кто верил в то, что Россия найдет в себе силы, чтобы стать подлинно народной страной.

Поставленная мною задача связана с рассмотрением обширного круга проблем и сюжетов, связанных с политической деятельностью младороссов, их размышлениями о демократических идеалах и революции, о Западе и прогрессе, о России и русском народе, о Восточном и национальном вопросах, о иерархическом принципе и революционном консерватизме, о национализме в социальной оболочке и интернационализме – в революционной.

Одно перечисление этих многотрудных проблем может вызвать недоверчивую усмешку, если не издевку, но, тем не менее, я рискнул, – время было моим союзником, оно мне помогало трудами и мыслями своих «комментаторов».

Хронологические рамки труда – от Октябрьской революции 1917 г. до времени первых лет второй мировой войны. «Темное время» для одних и «светлое» для других позволило автору показать политическую динамику младоросского движения. Особое внимание уделено сюжетам созидания «новых небес» в СССР, в новой России – той России, «лицом к которой» призывала стать и «вторая советская партия» – «Молодая Россия».

Широкое привлечение разнообразных и, главное, новых источников позволило мне, надеюсь, обрисовать картину тех лет, значительно усложняющую наши представления о том времени. Само «обращение ко времени» позволяет, думаю, не только осветить и проанализировать истоки, динамику младоросской «идейной эволюции и интеллектуального наследия», т. е. ликвидировать сложившийся дисбаланс в наших представлениях о политической мысли российской эмиграции, но и выявить и исследовать многоцветный спектр факторов, оказавших существенное влияние на сложный, где-то скачкообразный, процесс формирования мировоззрения младороссов.

Поставленная задача решалась на основе изучения обширного корпуса источников и литературы, в том числе архивного характера. При этом ряд материалов вводится впервые в научный оборот, позволяя увидеть младороссов во времени и время в младороссах.

Процесс формирования сложнейшего спектра политиче-

ских воззрений у младороссов я старался показать на фоне взглядов их современников на окружавший их мир политики.

В частности, при освещении картины отхода младороссов от теоретических построений национал-социалистов Германии, ставшей угрозой их Родине, даже если она звалась СССР, мне показалось уместным показать разделение эмиграции на два лагеря – «пораженцев» и «оборонцев», к последним принадлежали младороссы, в числе которых был, в частности, Илья Ильич Толстой, будущий профессор Московского университета.

Будучи почитателем К. Н. Леонтьева, я не пренебрег его уроками. Необходимость своего «цветения», о котором писал Константин Николаевич, освещается в сюжетах, посвященных Русскому миру в советской стране, управляемой большевиками. И точка зрения младороссов, гордившихся родиной, ее успехами, утверждавших вечность России и временность ее правителей, представляется мне верной. И правы были те, кто утверждал, что Россия, пережившая многое, переживет и большевизм.

Оригинальность воззрений А. Л. Казем-Бека, этого бесспорно глубоко талантливого человека с даром трибуна, русского мыслителя по существу и форме, на государственную политику, рассмотрение им проблематики возрождения России – все это подается на фоне теоретических рассуждений об эволюционизме и революционном консерватизме,

этих двух великих движителей человеческого мира.

Само предлагаемое здесь исследование младоросского движения позволяет расширить наши представления не только о мире «отцов» и «детей» в эмиграции, но и о психологии восприятия изгнанниками происходивших на родине процессов. Для младороссов, уже ответивших на вопросы «кто мы?» и «кто виноват?», оставалось еще два – «куда мы идем?» и «как мы идем?» Этому тоже посвящены свои сюжеты, соединяющие то время с нашим.

Я стремился, чтобы моя книга была своеобразным мостом во времени, позволяющим встретиться с «делателями» времени, личностями, которые воздействовали на выработку мировоззрения «героев» книги, на само время без его лакировки, упрощения, мифологизации, спрямления истории.

Меня можно, конечно, упрекнуть в увлечении цитированием, что не всегда, возможно, представляется оправданным. Но следует учесть, что глобальность поднимаемых российской эмиграцией проблем, часто не позволяя разрешить их «сразу и сейчас», заставляла работать мысль многих его современников. Я стремился создать некий «групповой портрет», позволяющий не только увидеть спектр тогдашней русской мысли, но и «своеобразное своеобразие» младороссов.

Далее. При всей кажущейся несвоевременности разработки в эмиграции идеи славянской взаимности, эта тематика, как показывает сама история тому, кто хочет видеть, занима-

ла важное место в размышлениях, касавшихся, прежде всего, будущего устройства славянского мира.

Особо следует подчеркнуть, что представленная книга позволит, надеюсь, увидеть не портрет «застывшей» в своем «расхожем антисоветизме» или «фашизме» российской эмиграции, а мир мыслей, идей, размышлений над судьбами России, славянства, мира.

И еще. Личное. Мне эта книга далась нелегко. Некоторые не поняли, что же я написал. Отвечаю: это не портрет уважаемого мною Александра Львовича Казем-Бека, не словословие той или иной идеи, движения, партии. Это фрагмент грозного времени между двумя мировыми войнами и время выбора.

16 января 1957 г. на страницах «Правды» было опубликовано письмо за подписью незнакомого советской России и широко известного за ее границами Александра Львовича Казем-Бека (1902–1977), лидера младоросского движения, пик популярности которого пришелся на 1930-е гг. Выдержанное в традициях партийной журналистики и напоминавшее по стилю протокол допроса, оно должно было продемонстрировать «всепобеждающую силу идей нового мира». Строители коммунизма могли читать следующие «покаянные строки» возвращенца: «Когда началась Октябрьская социалистическая революция, я вступил в белую армию и с оружием в руках боролся против молодой советской республики. В 1919 г. с остатками белогвардейцев бежал за гра-

ницу, где включился в активную антисоветскую борьбу... Я долго оставался под влиянием антисоветской пропаганды, проникнутой духом ненависти к новому государственному строю в России, и искал возможностей активизировать борьбу с ней... стал писать статьи в буржуазных газетах о «скорой гибели советской власти», о «спасении России от коммунистов». Клеветал на свою Родину, лучших ее представителей, предавал самое драгоценное и святое, что есть у человека, — чувство любви к Родине.

Больше этого, всю свою энергию я направил на создание партии, с помощью которой мы намеревались вести борьбу против Советской власти.

В 1924 году я создал и возглавил так называемую Младоросскую партию, которая ставила своей целью возродить буржуазный строй в нашей стране.

Деятельность этой антисоветской партии отвечала интересам империалистов, которые всячески поощряли ее и оказывали материальную поддержку, за которую я должен был отплачивать очередной антисоветской клеветой на свой народ, что я и делал.

Огромные достижения в экономическом, политическом и культурном развитии Советского Союза вселяли в меня чувства растущей национальной гордости и приводили меня с каждым днем с позиции отрицания к позиции признания.

Однако полностью я еще не разделял идей социализма.

К 1939 году я уже фактически отошел от антисоветской

деятельности.

Окончательным моим пробуждением была нависшая угроза над нашей страной со стороны германского фашизма. Я знал, что несет фашизм народам мира, и борьба против него стала представляться мне долгом каждого честного человека и каждого русского. Я осознал бесплодность своей борьбы, обман, которому я поддался, и понял, что каждая моя клеветническая статья приносит вред моему народу.

В 1940 году я начал выступать в прессе с одобрением внешней политики Советского правительства, а в 1941 году после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР объявил о роспуске «Младоросской партии», порвал, таким образом, с антисоветскими группировками и бесповоротно встал на позиции советского патриота.

За свои просоветские взгляды в числе других был посажен французскими властями в концлагерь, но вскоре мне удалось освободиться и выехать в Америку. По прибытии в США начал сотрудничать в прогрессивных американских газетах, где помещал статьи, в которых рассказывал американским гражданам о героической Советской Армии и о народах Советского Союза... власти с самого начала отнеслись ко мне с недоверием и предубеждением. Постепенно жизнь моя в „свободной“ Америке стала невыносимой. Я не скрывал своих патриотических взглядов к СССР, за что меня неоднократно обыскивали и много раз допрашивали... Я рад, что вырвался из американского „рая“ (вернулся в СССР

в 1956 г. – В. К.), я счастлив, что народ и правительство мне верит, и я могу посвятить остаток дней своих служению своей стране, идущей по историческому пути и строящей светлое будущее для всего человечества».

Дезинформация и истина смешаны здесь в необходимой пропорции, чтобы у советского читателя не возникло ни грана сомнения в безусловной искренности каждого слова «блудного сына», вернувшегося на простившую его Родину.

Нынешнее время позволяет восстановить то, что было умолчано и оболгано в публикации 1957 г. и представить в реалиях портрет младороссов.

Глава и его организация

Право на свободу слова, собраний, организацию партий, объединений, движений эмиграция «увезла» с собой, где на чужбине пышным цветом распустились многочисленные формирования, ставившие своей целью освобождение России от коммунистов. К числу наиболее крупных, и наименее известных, относится «Молодая Россия».

Возможное объяснение этого парадокса следует искать в «странной» идеологии младороссов: приверженность к идеям раннего фашизма сочеталась с гордостью достижениями Советской России. Объединение «несоединимого» принесло младороссам сомнительную славу: для одних они слыли русскими фашистами, для других – патриотами, для третьих – отступниками и ренегатами.

Все это рождает желание разобраться в этом запутанном сюжете, который интересен уже тем, что позволяет войти в национал-социалистические идеалы в Европе, в мир вечных поисков России, ищущей «закона и благодати». Искал ее и Александр Львович Казем-Бек, семья которого издавна служила России. По мужской линии он был потомком выдающегося ученого-востоковеда профессора Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Касим оглы (по-русски Александра Касимовича) Казем-Бека, сына шейх-уль-ислама в Дербенте¹. По женской

линии он состоял в родстве с Евгением Абрамовичем Боратынским, женатым на дочери прадеда моего героя. Матерью А. Л. Казем-Бека стала Надежда Шпигельберг, немка по национальности. Его отец – Лев Казем-Бек, выпускник Пажеского корпуса долгое время занимал пост предводителя дворянства округа Вильно².

Сам Александр, пройдя испытания германской и гражданской войн, уже в 1920 г. эмигрировал. Начиналась новая, удивительная жизнь русского, «России в изгнании». В отличие от многих сверстников ему во многом «везло»: помогали талант и умение завязывать нужные знакомства. Он слушал лекции профессоров в Белграде и Мюнхене. В 1925 г. сдал экзамены в Высшей школе политических и социальных наук в Париже. Посещал занятия в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Потомок шейх-уль-ислама многого хотел, но диплом ему не дала получить сама жизнь с ее старыми проблемами в эмигрантской упаковке. Выручал блестящий ум, способность к синтезу и анализу разнообразной информации, получаемой им из самых различных по своему характеру источников.

Ставка на молодые, свежие силы, способные к творческому анализу, обусловила и монархический выбор Александра: для него «блюстителем российского престола», главителем императорского Дома становится великий князь Кирилл Владимирович (другой претендент – Николай Николаевич, родившийся в 1856 г., на двадцать лет раньше своего сопер-

ника, был, видимо, слишком стар, чтобы возглавить в будущем новую Россию). Раздоры «бизонов», проигравших Россию и все еще «сидящих на чемоданах» с надеждой на возвращение в светлое и довольное прошлое, не могли не вызвать соответствующей реакции у «детей»

В 1933 г. Борис Лихачев в статье «Десять лет назад» вспоминал: «Ноябрь 1922 года... В Париже съезд эмигрантских „монархических верхов“. Вместо единения вокруг Главы Династии, вместо реальной работы на Русское дело – бесконечные пересуды о „своевременности“ или „несвоевременности“, о юридической „обоснованности“ или „необоснованности“ акта Блестителя Престола... И мечтания. О возврате земель. О вознаграждении за понесенные убытки... В младшем поколении эмиграции протест против определившейся идейной разрухи сказался сразу... На самоотмежевание „верхов“ от российской действительности молодежь могла ответить лишь самостоятельностью, самостоятельной работой под знаком поворота – „лицом к России!“. Между рассеянными по разным странам русскими студенческими объединениями... союзами молодежи завязалась оживленная переписка... Февраль 1923 года... В Мюнхене собрался „Первый всеобщий Съезд представителей организаций национально-мыслящей русской молодежи“. На съезде было представлено 29 организаций. „Дом наш сгорел дотла. Мы заново построим его свежими, юными силами... “ – декларировал съезд, отдавая силы представленной им молодежи,

в распоряжение главы Российского Императорского Дома... Кого из съехавшихся поставить во главе общего дела? Леонида Николаевича Козлова, председателя Главного совета русского студенческого объединения на Балканах? Или Сергея Николаевича Плаутина, председателя Главного совета российского союза монархической молодежи – организации, возникшей еще в 1917 году на русской территории... или кого-либо из руководителей Союза русской национальной молодежи, например, председателя его мюнхенского отдела князя Андрея Николаевича Оболенского». Выбор пал на Александра Казем-Бека. «Его личность оказалась столь всеподавляющей своей талантливостью, яркостью и волей, что ко дню окончания Съезда ни для кого из нас, его участников, не оставалось ни малейшего сомнения в том, что именно ему должно стать во главе учреждавшегося „Главного совета объединенной русской молодежи“⁴⁴ и возникшего в итоге съезда федеративного Союза „Молодая Россия“. Единогласное избрание А. Л. Казем-Бека засвидетельствовало нашу общую уверенность, что лишь одному ему под силу создание и возглавление Русского „национально-социально-фашистского“ движения»³.

О содержании Декларации «Первого всеобщего съезда организации национально-мыслящей молодежи» дают представления такие строки: «Наш Идеал – Великая, Могущественная, Национальная Россия. Наша Вера – в грядущее спасение и возрождение Родины. Русский народ, обманутый

и обманувшийся, исцелится от чужеземной заразы. Он найдет опять свои национальные пути и, в рамках исторической формы своего многовекового государственного строя завершит на грани двух миров культурно-историческое призвание Русского Государства. Мы верим в великое прозрение сынов Русского народа, сознавшего свои тяжкие преступления против Родины. Мы исповедуем грехи руководящих слоев Русского общества, в большей своей части увлекавшихся несбыточными, ложными построениями и разрушивших свою государственность, а в меньшей – допустивших своей преступной вялостью и непротивлением злу развал Русской Державы. Мы каемся в нашей доле участия, вольного или невольного, в причинах Русского бедствия... На единении Царя и народа, на мудром и твердом управлении и взаимном доверии правителей и граждан будут покоиться основы новой Русской государственности. Мы не хотим восстановления изжитых порядков, не устоявших перед смутой, и возвращения ветхих душой людей к управлению Россией... Мы хотим возрождения Русской культуры и творческого духа, воссоздания хозяйственной мощи России, оздоровления Русского быта. Самоотверженный созидательный труд всех граждан, чуждый сословной розни и классовой борьбы вернет России расцвет и благоденствие»⁴.

Итак, февральский Всеобщий съезд национально-мыслящей молодежи объединил на «исконных принципах Русского Национализма» 29 организаций, насчитывающих около

4 000 членов. Избрав свой руководящий орган – Главный совет объединенной русской молодежи, все они, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, вошли в состав возглавляемого им федеративного Союза «Молодая Россия».

Перед руководством были поставлены задачи по распространению в молодежной среде национальных идей, вовлечению молодых людей в ряды младороссов, формированию повсеместно отделений союза, созданию обществ по самообразованию, открытию литературно-художественных, научно-образовательных и спортивных кружков, учреждению курсов политического образования, прикладных наук, ремесленных и профессиональных школ, а также ссудных касс и обществ взаимопомощи и благотворительности⁵.

Цель Главного совета объединенной русской молодежи – «способствовать расширению и укреплению организаций националистических сил, открытая проповедь их верований, выполнение их научно-исторических и политических знаний, могущих укрепить и обосновать их национальное чувство и облегчить подготовку для созидательной работы на родине, а равно сознательное отношение к националистическому движению, ныне охватывающему Европу Националисты всех стран – наши друзья. К ним присоединим мы свои силы в борьбе с общим врагом: интернационалом, демократизмом и социализмом... На примерах успешной борьбы националистов против внутренних врагов родины, картина коих разворачивается на наших глазах во всех государствах Ев-

ропы, должны мы учиться, памятуя, что каждый наступающий день может принести нам весть о падении большевизма (!!! – В. К.) и возможности возвращения в Россию. К этому часу мы должны быть: организованы, дружно-сплочены и вооружены необходимыми знаниями... и тактическими приемами победоносного фашизма в Италии, соколов в Чехии, хакенкрейцеров (правых радикалов. – В. К.) в Германии и националистов во Франции»⁶.

В 1923 г. в Мюнхене Александр Львович Казем-Бек избирается председателем Главного совета объединения русской молодежи, которая на своем втором съезде в 1924 г. инициирует создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. – в Младоросскую партию, куда входили практически все представители наций, народностей России, ее регионов, краев, областей.

В ее рядах были великий князь Дмитрий Александрович Романов – председатель Главного совета младоросской партии, светлейший князь Леонид Павлович Ливен, граф Юрий Борисович Мусин-Пушкин, граф Павел Александрович Шувалов, граф Илья Ильич Толстой, барон Федор Мейендорф, барон фон Штейгер Анатолий Сергеевич. Среди членов Младоросской партии можно было встретить самые разнообразные фамилии – Иванов, Али-Абас, д'Алонзо, Аштар, Баар, Безматерных, Био, дю Бош, Виркау, Войт, Гаганидзе, Гинднер, Гойер-Боот, Гульязизов, Джанкаев, Дзбановский, Дэнни, Дураков, Имерлишвили, Ишоев, Киссель, Лембик,

Луначек, Лях-Невин-ский, Малхолланд, Маркопуло, Маркс, Миштовт, Мурзаев, Нувой, Освальд, Кришталь, Роар, Розенберг, Романов⁷.

Организация младороссов постепенно распространила свои филиалы практически на все земли, где осели изгнанники. Ее представительства находились в Финляндии, Ливане, Сирии, Северной Америке, Австрии, Эстонии, Египте, Норвегии, Венгрии, Чехо-Словакии, Швейцарии, Польше, Италии, Литве, Бельгии, Китае, Персии, Турции, Греции, Болгарии, Югославии, Германии, Японии, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Ячейки младороссов были в таких городах, как Белград, Дубровник, Загреб, Пожаревац, Скопье, Смедерево, Суботица (Королевство Югославия); Ванкувер, Онтарио (Канада); Беркли, Вашингтон, Жюно, Лос-Анжелес, Санта-Роза, Сиэтл (США); Виндзор (Великобритания); Выборг (Финляндия); Габрово, Горна Джумая, Лом, Перник, Пловдив, Свищово (Болгария); Дамаск; Каир; Манила; Монтевидео (Уругвай); Осло; Рио-де-Жанейро; Ровно (Польша). Очаги младоросского Ордена работали в Белграде, Вуковаре, Нови-Саде (Королевство Югославия); Берлине; Бейруте; Брюсселе, Льеже, Шарлеруа (Бельгия); Буэнос-Айресе; Варне, Софии, Сливене (Болгария); Гельсингфорсе, Суоярви (Финляндия); Детройте, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго; Лондоне; Митаве, Прекульне, Риге (Латвия); Праге; Риме; Сан-Паулу (Бразилия); Тегеране; Тяньдзине, Шанхае.

Судя по партийной картотеке, численность младороссов к 1937 г. не превышала 1 400 человек⁸. Однако ее контрольная выверка с другими архивными документами заставляет предположить, что их количество было значительно больше. Да и предыдущая цифра в 4 000 человек свидетельствует об этом.

(Параллельно с младоросами в 1920-е гг. П. Б. Струве создал свой «Союз молодой России» – «сильное государство, сильная власть, единство зарубежной и внутренней России. В Париже Союзом руководить было поручено К. И. Зайцеву, в Германии И. А. Ильину, в Праге И. Д. Гримму»⁹.)

Под руководством Казем-Бека уже со второй половины 20-х гг. XX столетия действовали: «Союз русских студентов» в Будапеште, Сараево, в Эстонии; «Союз русских офицеров» – в венгерской столице.

Судя по сухой справке из ФСБ РФ, Казем-Бек «объединил главный совет «Российского Союза монархической молодежи», 1-й Белградский отдел студентов «Российского союза национальной или монархической молодежи (РСНМ), 2-й отдел (гимназисты) РСНМ, Старосербский, Белоцерковский, Загребский, Ново-Бечейский, Новосадский и Сараевский отделы РСНМ»¹⁰.

Духовником Младоросской партии стал священник Павевский. Хотя я не могу достаточно уверенно говорить, что в ее рядах были исключительно православные, но, тем не

менее, именно традиционному русскому вероисповеданию придавалось важнейшее значение. В своих «Письмах к младороссам» Александр Казем-Бек (статья подписана инициалами А. К. – Б.) писал: «Столкновение заострившихся противоположных течений не дало победы безверию и учение животного материализма не сразило на Руси православие... неудача коммунизма после первых штурмов на церковную твердыню была ясно определена и отмечена самими руководителями ВКП, когда была применена в отношении Церкви новая тактика „взрыва изнутри“. Поддержка живой церкви, покровительство обновленцам... равносильны признанию несостоятельности прежней тактики и, тем самым, собственной неудачи. Террор оказался бессильным. Необходимо подчеркнуть, что православие как мировоззрение и Церковь, как внешняя организация, оказались единственными проявлениями национальной жизни, на которые террор не возымел решающего действия. Благодаря устоявшему православию, октябрьская революция оказалась не интегральной в своем разрушительном порыве, и главный корень национальной жизни уцелел... Я даже уверен в том... что церковность и религиозное движение не приведут, сами по себе, ни к каким революционным актам. Их значение в национальной революции и последующем русском возрождении будет несравненно глубже. Благотворность их влияния скажется, прежде всего... в ориентации духовных исканий и в питании этих исканий великой и благодатной жизненностью. Вот

почему младороссы не могут не признать православной церковности одним из самых мощных факторов (и едва ли не самым мощным) национального возрождения... нельзя допустить и мысли, что это возрождение могло бы осуществиться вне православия или без его участия... Православие – пока единственная плоскость, в которой может осуществиться национальное единство... Православие заложило основы нашего мировоззрения, выдвинуло философию... наши национальные идеалы, наши стремления, наш общественный строй, наш бытовой уклад, наша государственность: вся наша самобытность. Залечив свои раны, восстановив свое равновесие, упрочив свое моральное преобладание, православие наше двинется к великим целям, увлекая за собой по пути мессианства новую русскую культуру. Углубленное православие, становясь по значению своих идеалов подлинно вселенским, тем самым выводит и русскую нацию на мировой простор исторических свершений»¹¹.

Эти мысли интересны не только своей размашистостью, но и тем, что здесь автор хранит абсолютное молчание о крайне тяжелом положении РПЦ, о гонениях на Церковь, о тысячах и тысячах мучеников за веру, о нестроениях между Русской Православной Церковью Заграницей и высшей церковной властью в Москве. Можно предположить, что все это для него не имело существенного характера. Главное заключалось в самом бытии православной Церкви. В частности, его тревога вызвана не политизацией иерархов, а сохра-

нением церковности в русском рассеянии: «Молодняк эмиграции за редкими исключениями не проявляет ни способности, ни склонности в полной мере проникнуться церковностью, свойственной русскому быту. Церковность здесь, за границей, понимается одними, как ханжество, от которого надо сторониться, другими, как увлечение богословской риторикой, „мудрствующей лукаво“ и граничащей с ересью. И то, и другое предположения далеки от истины. На самом деле церковность есть именно бой... Нам в нашем изгнании больше всего недостает как раз свежих и личных впечатлений, которые восполняются острой памятью и силой воображения лишь весьма несовершенно. Как может в самом деле, постичь нашу церковность, столь своеобразную и особенную, юноша, будь он семи пядей во лбу, если для него православие ограничено топтанием у тусклой решетки на „рю Дарю“, обрывками воспоминаний о приходской церкви, куда его водила нянька, да открытками с посредственным изображением Исаакиевского собора?.. И вот для этих подростков, превратившихся в наших сверстников, все доводы о церковности, православии, самобытности, остаются отвлеченными рассуждениями на малопонятные темы, – загадками, разрешение которых их мало заботит, и ответы на которые они могли бы получить лишь на русской земле... когда мы судим о значении православия в истории России и в современной ее жизни, мы должны считаться не только и не столько с философией и богословием, как с бытом, т. е. с обрядностью.

Единство мыслей и поступков в очень значительной мере обязано своим возникновением обрядности... нам следует вникнуть в мысли тех, кто раньше нас, с большим усердием и большими возможностями изучил наш быт... Для примера укажу на одну только фразу нашего Достоевского, которой он отвечает на узорь не приемлющих православия: „Русская вера, русское православие есть все то, что только русский народ считает за свою святыню, в ней его идеалы, вся правда и истина жизни"»¹².

Опора на русскую веру, на традиционное православие была характерна для многих россиян, оказавшихся на чужбине. И, конечно, молодежь, подраставшая в православных славянских странах, в Болгарии, в Сербии, находилась в гораздо лучших условиях, нежели, например, в католической Франции. Именно в Сербии возник союз им. преп. Сергия Радонежского с девизом из Достоевского «Неправославный перестает быть русским». Установки этого религиозного кружка весьма близки мыслям Александра Казем-Бека. «Мы настойчиво утверждаем, – отмечалось в программном документе Союза, – что самая главная и вместе с тем конкретная и реальная наша задача – быть православными... наша национальная задача есть в то же время и, прежде всего, религиозная... не ставши православными, мы не можем поднять знамя „России“... Мы не признаем возможности религиозного исцеления, так чтобы одновременно неустраивалось наше национальное переживание... Наш Союз собирает в се-

бе людей, готовых отдать свои силы основной, центральной идее русского национального бытия, готовых окончательно и бесповоротно отдать их служению идее: „Россия не может быть неправославной“, „Неправославный перестает быть русским“»¹³.

В определенной степени им вторил младоросс Борис Вирановский: «Цементом, спаивающим нашу организацию, является любовь к живому русскому человеку, независимо по ту или по эту сторону рубежа, желание понять его и быть ему понятным, стремление освободить его душу, растлеваемую большевиками, с одной стороны, и отмирающими политическими течениями, с другой. Младоросские ряды спаяны именно этими чувствами: чувствами христианскими по существу, чувствами, которые чужды всем другим политическим организациям и политическим группировкам, ибо все остальные спаяны нехристианскими чувствами ненависти: непредрешенцы – ненавистью к большевикам, „правые“ – ненавистью к революции и Новой России, „левые“ – к контрреволюции и России Старой»¹⁴.

Слова, слова, слова... – те самые фразы, в которых была утоплена монархия – может сказать скептик. Действительно «слов» у младороссов – много: особенно о Родине, которой они гордились. Хватало и романтики, этого злейшего врага мысли.

Сама структура младоросской организации с ее иерархичностью, возрожденной как бы из рыцарских времен, и запо-

ведениями, лаконизм которых отнюдь не означал «нищеты духа» — все это не могло не привлекать молодежь, чьи деды ели виноград, а ей оскомина досталась.

В строительстве своего Движения руководство младороссов активно использовало такую древнюю форму организации, как орден, принадлежность к которому давало ощущение избранности, обладания некоей тайной. В сущности, начало двадцатого века с его переделом мира и идеями установления нового порядка было тесно связано с мыслями о возрождении различных орденских структур. Новый Левиафан требовал тайны, которую мог обеспечить только орден. И далеко не случайно, что среди бумаг младороссов имеются выдержки из книги М. Бренстеда «Крах классовой политики». В этом весьма интересном труде автор писал: «Смысл концентричности орденской структуры заключается в том, что в ордене происходит качественный отбор человеческого материала для концентрации силы. В этом отборе, который происходит органически, заключается как бы социальная магия ордена... Качественный отбор человеческих масс происходит путем отбора волевых и моральных сил, путем отсеивания их от элементов слабых духом и от эгоистов всех мастей. Слабые остаются на периферии или выпадают вовсе из круга посвященных. Сильные идут вперед и вглубь, но испытанием силы может быть только борьба, только дела и поступки... орден всегда имеет мировую арену своего действия, в то время как партия действует в пределах государ-

ства, на арене национальной. Это вытекает из того, что орден борется за ценности общечеловеческого значения, между тем как социально-экономические интересы, коими руководствуется партия, ограничены рамками государственной жизни. И даже тогда, когда деятельность ордена разворачивается в национальных рамках, он стремится вывести нацию на мировую арену, в область большой политики, для осуществления нацией ее исторической миссии, ее исторической идеи, во всечеловечестве... Орден не стремится к количественному росту, он объединяет качество, партия же наоборот ориентируется на т. н. „массы“. Оперируя с качествами, орден воздействует и на самую партию, влияя на ее качественные элементы.

Орден часто был той именно силой, которая стояла за теми или иными партвождями, влияя на них или непосредственно или путем создания для них особой среды. Такого рода тактика была бы немыслима, если бы орден был явным»¹⁵.

Сама экспрессивная фразеология лидеров должна была увлекать молодежь, уставшую от мудрствований «отцов». Так, один из ведущих младоросских лидеров К. Елита-Вильчковский звонко писал в своей статье «Тропы к путям»: «„Plus ultra“ стало лозунгом младороссов. Стремление, динамизм стали свойствами нашего движения, неудовлетворенность малым – ее характерной чертой»¹⁶.

А на практике?

Официальные документы дают следующую картину. «Младоросское движение есть совокупность лиц и организаций, сочувствующих, содействующих или служащих установлению в России нового строя на началах национализма, социальности и монархизма, а) Младоросский национализм есть любовь к Российской Имперской Нации, состоящей из многочисленных народов, имеющих равные права на самобытное развитие... ведущая роль по укреплению и защите государства принадлежит народам русским... Через служение нации осуществляется и всечеловеческий идеал международной справедливости и мирного сотрудничества народов, б) Младоросская социальность есть стремление к осуществлению в политическом, социальном, экономическом и бытовом строе национальной жизни начал справедливости в формах, соответствующих той правде, к которой на протяжении своей истории стремилась Российская нация. Младоросская социальность находит свое осуществление в проведении в жизнь младоросского социализма... исключает классовую борьбу... классовые и социальные привилегии и эксплуатацию человека человеком с построенным на ней капитализмом. Он признает частную собственность как социальную функцию и принцип национальной плановости, утверждает примат духовного начала над материальным и свободу совести, в) Младоросский монархизм проистекает из веры в тот нравственный идеал, который лежит в основе русской культуры и русской государственности; он выра-

жается в беззаветной преданности Природному Российскому Императору, олицетворяющему Нацию и служение Ей... Верховная власть Царя, в отличие от абсолютной, ограничена нравственным идеалом, служение которому объединяет Царя с народом в соборном сотрудничестве... Младоросская Партия. Те, из входящих в Движение лиц, которые в своей политической деятельности добровольно объединятся, подчиняя ее водительству и руководству младоросской иерархии, составляют Младоросскую Партию. Партия построена на единоначалии, иерархичности и сотрудничестве.

Орден Младороссов. Те из членов партии, которые рассматривают задачи Младоросского Движения как главную цель своей жизни и добровольно согласуют с этой целью не только свою политическую работу, но и свою общественную деятельность и личную жизнь, объединяются в Орден Младороссов... Младоросский Орден является ядром Партии и Движения»¹⁷.

Судя по документам – номерам партбилетов и орденских знаков – поступление в Орден было сравнительно легким. Однако прием туда постепенно ужесточался. В 1936 г. Казем-Бек писал председателю Главного совета Младоросской партии великому князю Дмитрию Павловичу о том, что в дальнейшем прямого доступа в Орден не будет. Он станет «отбором лучших, наиболее надежных и наиболее полезных наших работников, которые готовы связать себя пожизненными обязательствами»¹⁸.

Символом Ордена служило изображение серебряной державы на лазоревом поле: держава означала российское государство, крест, ее увенчивающий – примат духовного начала над материальным, лазоревый цвет – примирение и сотрудничество национальных и социальных органов. Орденский флаг имел бело-желто-черные цвета¹⁹.

Корпорацией высшей орденской степени являлся созданный в 1938 г. Совет ответственных младороссов. Вместе с Главой и высшими руководителями партии он разделял ответственность за судьбы всего Движения. Фактически, новая структура означала усиление власти Ордена с одновременной активизацией деятельности «сонных» ответственных младороссов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.